

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-89-99

Византийское наследие в современной Турции: особенности изучения и политическое значение*

С.Ю. Белоконев^{1,2}, В.Г. Иванов^{2,3}, Е.В. Левина^{1,4}

¹Финансовый университет при Правительстве РФ,
Ленинградский просп., 49, Москва, 125993, Россия

²Государственный университет управления,
Рязанский просп., 99, Москва, 109542, Россия

³Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

⁴Институт проблем рынка РАН,

Нахимовский просп., 47, Москва, 117418, Россия

(e-mail: syubelokonev@fa.ru; ivanov_vg@pfur.ru; elena.v.levina@gmail.com)

Аннотация. В статье анализируется политика памяти правительства Турции в отношении византийского наследия страны и международная реакция со стороны государств, чей исторический нарратив и идентичность ассоциируются с наследием Византийской империи. Статья основана на широком спектре источников на турецком, греческом, английском и русском языках. Авторы полагают, что политика исламизации Турции и идеология неоосманизма, которую проводит правящая «Партия справедливости и развития» (ПСР) под руководством президента Р.Т. Эрдогана, ведут к постепенному демонтажу оставшегося в стране византийского наследия, что было наглядно продемонстрировано в ходе превращения Монастыря Хора и Собора Святой Софии в мечети. Турецкое общество, за исключением небольшого количества диссидентов, как правило, уже покинувших страну, не испытывает устойчивого интереса к истории Византии и воспринимает политику правящей партии прагматически, что подтверждают опросы общественного мнения. Международная реакция на решения турецкого руководства оказалась достаточно сдержанной и очень ограниченно касалась Византии и ее роли истории. Так, европейские политики и исследователи критически оценивали антизападный посыл действий и риторики Эрдогана, в то время как в Греции опасаются возрождения османского империализма и рассматривают византийское наследие в контексте эллинизма. Авторы приходят к выводу, что российское общество (в первую очередь благодаря позиции РПЦ) восприняло политику Эрдогана как уничтожение византийского наследия восточно-православной цивилизации, что побудило российское политическое руководство поднять данный вопрос на самом высоком уровне двусторонних отношений. Кроме того, последовательные действия Анкары по демонтажу византийского наследия в международном измерении оказываются направлены против имиджа и идеологем российского государства в большей степени, чем против Греции, что обусловлено устойчивыми представлениями о России как продолжателе византийской традиции.

Ключевые слова: византийское наследие; Турция; Россия; политика памяти; идентичность; Собор Святой Софии

---

*© Белоконев С.Ю., Иванов В.Г., Левина Е.В., 2023

Статья поступила 13.09.2022 г. Статья принята к публикации 10.12.2022 г.

Исследование византийского наследия в Турции постоянно сдерживалось различными факторами. Сначала Османская империя, а после современная Турецкая Республика регулярно предпринимали попытки заявить о своей главенствующей роли не только на территории Ближнего Востока, но и в мусульманском мире, поэтому прошлое некогда могущественного христианского государства сознательно замалчивалось как османскими, так и турецкими властями. В свою очередь данный факт оказывал определяющее влияние на заинтересованность турецкого общества в изучении и понимании того, какое великое государство располагалось на территориях, впоследствии занятых наследниками тюрок-осман.

Чтобы определить, как в современной Турецкой Республике воспринимают византийское наследие, необходимо сначала проанализировать, как проходил процесс изучения покоренной христианской империи, начиная с периода правления осман. Во времена Османской империи значимых исследований истории и следов существования Византии на ее территории не проводилось. Впрочем, и европейские ученые озаботились данным вопросом лишь в конце XVIII — начале XIX века. Справедливости ради отметим, что российские ученые начали серьезно заниматься историей Византии еще позже — со второй половины XIX столетия [2. С. 30].

После того как Константинополь был взят, в соответствии с приказом султана Мехмета II официальные языки Византии (среднегреческий и поздняя латынь) были заменены на османский. На язык завоевателей был переведен и ряд византийских книг. Однако современные турецкие ученые пришли к выводу, что это был не прямой перевод с греческого или латыни, а с персидского языка, что существенно исказило первоначальный смысл манускриптов [9. С. 259]. Султан Мехмет II активно собирал в саду дворца Топкапы саркофаги, барельефы и другие художественные фрагменты византийской эпохи, став первым коллекционером византийских артефактов того времени [15. С. 217].

В конце XIX — начале XX века тема византийского наследия стала появляться в турецких исследованиях по всеобщей истории, но изучение Византии проводилось практически исключительно для того, чтобы на его фоне доказать превосходство Османской империи [17. С. 64]. Подобный подход был свойственен и разделявшим националистические подходы младотурок ученым, которые описывали византийское наследие главным образом как фактор упадка и постепенного ослабления осман (1). После того как Османская империя прекратила свое существование и в 1923 году была провозглашена Турецкая Республика, власти страны по-прежнему не проявляли интереса к наследию Византийской империи. Турецкие студенты, которые начали уезжать на обучение в европейские учебные заведения, византинистику там не изучали. Впрочем, в ученых кругах новой страны начал постепенно проявляться интерес к государ-

ству, существовавшему на территориях, которые впоследствии заняли турки-османы.

В 1937 году Стамбульский университет совместно с Археологическим музеем Стамбула провели раскопки во дворце Топкапы, а в 1949 году А. Оган и А. Мансел исследовали византийский Евдомон. Тем не менее, время раскопки проводились крайне хаотично, а их результаты не всегда фиксировались [1. С. 260]. Исследования того времени были скорее спасательными, чем серьезными и подготовленными, а также сильно зависели от планов по застройке и развитию инфраструктуры города. Отрицательную роль играл и факт отсутствия в Турции искусствоведов и специалистов по византийской эпохе [7. С. 210].

В 1950-е–1960-е годы в изучении византийского наследия наметился прорыв благодаря политике правящей Демократической партии и притоку туристов, в том числе желающих увидеть архитектурное богатство не только осман, но и оставшееся со времен Византии. В 1955 году в Стамбуле был проведен десятый международный саммит византистов. Однако этого оказалось недостаточно, и следующее подобное мероприятие состоялось лишь в 1999 году [8. С. 60]. На сегодняшний день историю Византии изучают в целом ряде турецких вузов, среди которых Стамбульский университет, Стамбульский технологический университет, Университет Хаджеттепе в Анкаре, Эгейский университет в Измире, Университет 18 марта в Чанаккале, Анатолийский университет в Эскишехире и др. [5]. Главная проблема изучения наследия Византийской империи — слабое знание необходимых для проведения исследований языков и скудость библиотечных фондов Турции, которые несопоставимы с коллекциями западных университетов [7. С. 219]. Кроме того, для понимания турецким обществом, что представляла собой Византия, необходимо создание и внедрение в программы учебных заведений соответствующих разделов.

С момента создания Турецкой Республики концепция турецкой истории пережила несколько этапов. Если в период с 1923 по 1931 годы византийская история присутствовала в курсе истории в достаточно емком, пусть и сжатом виде, то позже, на фоне националистических и религиозных крайностей турецких властей, если и была представлена в образовательных программах, то крайне ограниченно и главным образом для того, чтобы показать превосходство турок перед христианами, населявшими Анатолию до них. Практически полное отсутствие в турецких образовательных программах византийской истории способствовало исчезновению у обывателя даже поверхностных представлений о ней. Более того, термин «Византия» на сегодняшний день чаще всего ассоциируется в турецком обществе с современной Грецией и приобретает негативный оттенок ввиду крайне сложной истории взаимоотношений Анкары и Афин [15. С. 221].

На современном этапе значительное влияние на восприятие византийского наследия турецким обществом оказывает политика президента Эрдогана и ПСР, подразумевающая возвращение кемалистской Турции к исламским ценностям и попытку возвеличить роль Османской империи в истории. Разумеется, подобный вектор политики действующих турецких властей не подразумевает стремления к сохранению и исследованию византийского наследия. Более того, ряд памятников христианской эпохи начал планомерно уничтожаться по канонам, схожим с теми, что применялись во времена Османской империи. Так, в беседе с журналом «Newsdesk» турецкий лидер заявил, что невозможно быть и светским и мусульманским государством одновременно (2). За годы правления Эрдогана и ПСР самым громким случаем исламизации, ударившей по византийскому наследию, несомненно, стало решение Государственного совета Турции удовлетворить иск об аннулировании решения Совета министров республики от 1934 года о превращении мечети Святой Софии в музей (3). Это решение вызвало большую обеспокоенность международного сообщества, но было встречено большинством населения Турции если не одобрением, то молчаливым согласием.

Согласно данным исследования, проведенного Areeda Survey за несколько недель до принятия этого судьбоносного решения, 78 % респондентов выступили за преобразование Святой Софии в мечеть, против — 21 % (4). В то же время другой опрос, проведенный социологической компанией Кара Research среди турецких и греческих граждан, показал, что в Турции лишь 49 % одобряет решение властей, а 45 % выступают против, считая, что Святую Софию необходимо сохранить в формате музея всемирного наследия. Впрочем, то, насколько данное исследование отражает настроения турецкого общества, вызывает сомнения, так как компания, проводившая опрос, зарегистрирована и располагается в Афинах. Согласно результатам опроса MetroPoll Research «Пульс Турции — июнь 2020 года», 44 % респондентов полагали, что вопрос об открытии Собора Святой Софии для богослужений возник «для изменения повестки дня, чтобы не говорить об экономическом кризисе», 30 % — чтобы «превратить мечеть, преобразованную в музей, обратно в мечеть», 12 % респондентов заявили, что «это аргумент, который власть хочет использовать перед досрочными выборами и который, по их мнению, будет эффективным», 15 % затруднились с ответом (5). Таким образом, в отношении возвращения Собору статуса мечети у населения Турции преобладали прагматические настроения, и у Собора Святой Софии и в целом византийского наследия практически не нашлось защитников.

Относительно причин, по которым было принято решение о преобразовании музея Собора Святой Софии в мечеть, прослеживаются явно выраженные различия в оценках исследователей. На наш взгляд, реакция

турецких ученых позволяет утверждать, что в стране неравномерно разделились мнения: одна группа выражает поддержку действиям властей по разным причинам — начиная от схожести взглядов и идеологии и заканчивая страхом попасть под репрессии за мнение, отличное от официального; вторая группа — это исследователи (в том числе богословы), которые выступают против преобразования музея в мечеть. Сохранившиеся после чистки медийного пространства (в результате попытки госпереворота в Турции 15 июля 2016 года) оппозиционные Эрдогану издания, в том числе академические, утверждают, что подобные действия властей подрывают конституционные основы Республики, заложенные еще К. Ататюрком. Они апеллируют к тому, что исламизация не может соседствовать со светским государством, созданным в 1923 году. Впрочем, чаще такие журналы, газеты и онлайн-СМИ публикуют материалы, авторы которых не являются турками. Так, *Duvar* опубликовал интервью французского политолога О. Ройя, в котором подчеркивается, что у Эрдогана не получилось «исламизировать сердце и умы Турции, поэтому он исламизирует камни» [10].

Ученые и исследователи, поддерживающее решение властей и в целом политику Эрдогана и ПСР, заявляют, что открытие Святой Софии в качестве музея в 1934 году было уступкой Западу и попыткой отойти от наследия Османской империи: «“пленение” Святой Софии было “пленением” Турции... Тот факт, что предлагаемое решение может быть принято, является признаком усиления власти и суверенитета Турции» (6).

Другим важным аспектом решения о преобразовании Святой Софии в мечеть было то, что истцом по делу выступил Фонд сохранения наследия Турции, т.е., в абстрактном смысле, сам народ (7). С учетом крайне сдержанной негативной реакции в турецком обществе и значительной поддержки этого решения можно констатировать, что на сегодняшний день у населения страны наследие Османской империи котируется несравнимо выше, чем Византии. Та часть общества, которая обеспокоена принятым решением и политикой Эрдогана и ПСР в целом, главным образом переживает из-за возможной потери наследия Ататюрка и в меньшей степени интересуется историей осман. Более того, в последние годы турецкое общество неоднократно сталкивалось с намерением властей преобразовать музей в мечеть. В ноябре 2019 года суд аннулировал решение Совета министров Турции от 1945 года, согласно которому бывший монастырь византийской эпохи Хора был музеем, и превратил его в мечеть Карие (8).

Важно отметить, что в случае с мечетью Карие была проверена реакция турецкого общества на подобные трансформации, особенно принимая во внимание тот факт, что бывший монастырь расположен «под боком» у Константинопольской православной церкви в районе Фенер в Стамбуле. В ответ на действия властей тогда не последовало практически никакого ответа ни со стороны международного сообщества, ни со стороны правоза-

щитников и научной общественности, ни со стороны населения. В августе 2020 года эта инициатива была окончательно реализована.

Говоря о международных последствиях политики турецкого правительства, в первую очередь следует отметить реакцию государств, в которых «византийское православие исторически играло ключевую роль в формировании национальной идентичности» [3] и к которым относится Россия. Так, в Греции большинство политиков и академическое сообщество воспринимает политику памяти Эрдогана как акт агрессии и очередную угрозу со стороны Турции: «то, что такие действия турецкого руководства не являются ни изолированными, ни временными, продемонстрировало празднование в мае 2020 года завоевания Константинополя в 1453 году. Турецкий президент лично отметил это завоевание исламскими молитвами у Собора Святой Софии, возможно, самого священного памятника христианства» [14]. «На празднованиях 2020 года президент Эрдоган повысил ставки, когда заговорил о завоевании в перспективе, а не только в ретроспективе — “Я желаю, чтобы Бог даровал этой нации еще много счастливых завоеваний”, — сказал он, читая из Корана» [11].

Турецкий богослов Дж. Килич, отвечая на вопрос о причинах превращения Святой Софии в мечеть, отмечал, в частности, «чувство неполноценности Турции по отношению к Западу» (9). Греческие авторы также пишут об исторической «зависти» к эллинизму как источнике возрождения турецкого ревизионизма и империализма. Греческие исследователи, почти единодушно критикуя политику памяти Турции, практически не упоминают Византию и ее историческое наследие, Собор Святой Софии для них является скорее символом западной культуры или эллинизма. Схожим образом оценивая политику памяти Турции, армянские исследователи ассоциируют ее с репрессивными практиками Османской империи: «Эрдоган опять пытается создать для своей страны капитал за счет наследия коренных народов Анатолии, представителей которых его предки на протяжении сотен лет безуспешно пытались уничтожить» [4]. Примечательно, что избранный в 2019 году Константинопольский армянский патриарх Саак II призвал разрешить в Святой Софии как мусульманские, так и христианские молитвы.

Позиция России по рассматриваемому вопросу оказалась менее однозначной. Официально МИД РФ заявил, что «возвращение статуса мечети Собору Святой Софии в Стамбуле является внутренним делом Турции, ... в которое, естественно, ни мы, ни другие не должны вмешиваться» (10). В то же время значение исторических связей с византийской традицией для основ формирования российского государства и активная позиция церкви заставила российские власти поднять этот вопрос на высшем уровне. Так, при личной встрече двух президентов В.В. Путин обратил внима-

ние Р.Т. Эрдогана на общественный резонанс, который вызвало в России решение изменить статус храма Святой Софии. «Президент Турции дал соответствующие пояснения, отметив, что доступ к этому уникальному памятнику мировой цивилизации будет гарантирован для всех желающих, включая иностранных граждан, и будет обеспечена сохранность христианских святынь» (11). Российские парламентарии обращались к властям Турции с просьбой не менять статус святыни (12).

В России решение Стамбула было резко критически воспринято в церковной среде, а также православными и традиционалистскими мыслителями и историками [6]. Патриарх Кирилл заявил, что лишение статуса музея и превращение в мечеть Собора Святой Софии создает угрозу для всей «христианской цивилизации», для «духовности и истории» России и «отзовется глубокой болью в русском народе»: «Послы великого князя Владимира, переступив порог этого храма, пленились его небесной красотой. Услышав их рассказ, святой Владимир крестился и крестил Русь, которая вслед за ним шагнула в новое для себя духовное и историческое измерение — в христианскую цивилизацию» (13). По мнению Митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева), «это удар по мировому православию, ибо для всех православных христиан по всему миру храм Святой Софии — это такой же символ, как для католиков — Собор Святого Петра в Риме. Можно сказать, что принятие Русью христианства, предопределившее всю ее историю, имеет связь именно с этим храмом, и он является для нас важным символом» (14). Вследствие длящегося раскола Московского патриархата с Константинопольским мировое православие не выступило с консолидированной позицией по этому вопросу. Однако по словам Патриарха Кирилла, попытки унизить духовное наследие православия русский народ «воспринимает с горечью и негодованием» (15).

Таким образом, политика памяти Эрдогана в отношении византийского наследия, направленная преимущественно на внутривосточные задачи, во внешнем контуре оказалась ориентирована против идеологием российской политики (как их понимают за рубежом) в большей степени, чем против Греции, и вызвала в России более болезненную реакцию. Именно российское общество восприняло политику Эрдогана как уничтожение византийского наследия восточно-православной цивилизации и разрыв соответствующей исторической памяти, в то время как в Греции ссылаются преимущественно на наследие эллинизма, в Армении — на геноцид в Османской империи, а в странах ЕС — на антизападную риторику турецкого президента и его сторонников [12; 16]. В то же время особое значение византийского наследия для России стало своего рода международно-политическим клише, ассоциирующимся с имиджем России на Западе (во многом благодаря эссе А.Дж. Тойнби «Византийское наследие России») [13]. Конечно, такая точка зрения не-

однозначна, но Византия, несомненно, вплетена в российский исторический нарратив.

В завершение можно констатировать, что в Турции ряд ученых и исследователей обращает пристальное внимание на наследие Византии, изучая его, в том числе в интересах современного турецкого общества. Однако политика Эрдогана и ПСР, основывающаяся на принципах неоосманизма и пантюркизма, привела к тому, что у населения страны, абсолютного большинства историков, политологов, социологов и других специалистов основным приоритетом стало изучение Османской империи и ее роли в становлении современного турецкого государства, которое все больше подвергается исламизации. Что касается исторического наследия Византии, то оно сегодня волнует сравнительно немногочисленную группу узких специалистов, практически не имеющую голоса в турецком обществе.

Таким образом, можно с уверенностью прогнозировать, что случаи переименования и преобразования музеев и иных христианских исторических и культурных памятников, оставшихся на территории Турции с византийской эпохи, в среднесрочной и долгосрочной перспективе продолжатся, во всяком случае пока Эрдоган и сторонники его политики находятся у власти. Примечательно, что данная политика в целом интегрирована в более широкий контекст формирования новой турецкой идентичности. Так, в 2021 году, согласно президентскому указу, Турция изменила свое международное название: вместо Turkey было рекомендовано использовать вариант Türkiye. В указе подчеркивается, что это решение — «очередной комплексный шаг, отражающий богатую культуру и наследие страны» [4], поскольку новый вариант написания лучше отражает ценности турецкого народа.

Информация о финансировании

Исследование подготовлено за счет средств Минобрнауки РФ. Проект FSSF-2022-0015.

Примечания

- (1) Примечательно, что российские западники XIX века (например, П.Я. Чадаев или А.И. Герцен) давали похожие уничижительные оценки византийскому влиянию на российскую государственность и культуру.
- (2) İslamcı parti değiliz // Milliyet. 11.11.2020 // URL: <https://www.milliyet.com.tr/gundem/islamci-parti-degiliz-247856>.
- (3) Türkiye Cumhuriyeti Danıştay Başkanlığı. 10.07.2020. Esas No: 2016/16015; Karar No: 2020/2595 // URL: http://www.danistay.gov.tr/upload/guncelkarar/10_07_2020_060019.pdf.
- (4) Anket sonuçlarında rekor: Areda Survey'in yaptığı çalışmada vatandaş Ayasofya kararını verdi // Yeni Safak. 01.07.2020 // URL: <https://www.yenisafak.com/hayat/anket-sonuclarinda-rekor-areda-surveyin-yaptigi-calismada-vatandas-ayasofya-kararini-verdi-3547431>.
- (5) Anket: Halkın yüzde 43'ü "Ayasofya'nın ibadete açılması konusu, ekonomik kriz konuşulmasın diye gündeme getirildi" diyor // T24. 10.07.2020 // URL: <https://t24.com.tr/haber/anket-halkin-yuzde-43-u-ayasofya-nin-ibadete-acilmasi-konusu-ekonomik-kriz-konusulmasin-diye-gundeme-getirildi-diyor,889897>.

- (6) Kimlik ve egemenlik arasında Ayasofya // Sabah. 25.07.2020 // URL: <https://www.sabah.com.tr/yazarlar/perspektif/zeliha-eliacik/2020/07/25/kimlik-ve-egemenlik-arasinda-ayasofya>.
- (7) Daniştay'ın Ayasofya kararının tam metni // Bianet. 10.07.2020 // URL: <https://bianet.org/bianet/diger/227263-danistay-in-ayasofya-kararinin-tam-metni>.
- (8) Son Dakika: İstanbul'da bir müze daha cami oldu! Kariye Camii ibadete açılıyor // Haberler. 21.08.2020 // URL: <https://www.haberler.com/son-dakika-istanbul-un-fatih-ilcesindeki-kariye-13526254-haberi>.
- (9) Well-known theologian reveals what is behind Erdogan's fixation with Aghia Sophia // Naftemboriki. 02.07.2020 // URL: www.naftemboriki.gr/printStory/1615242.
- (10) В МИД РФ отреагировали на превращение Собора Святой Софии в мечеть // ИА «Красная Весна». 13.07.2020 // URL: <https://rossaprimavera.ru/news/f9fae2f9>.
- (11) Путин указал Эрдогану на резонанс из-за превращения храма Святой Софии в мечеть: тот дал пояснения // URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/474614>.
- (12) В России отреагировали на превращение Собора Святой Софии в мечеть // URL: <https://lenta.ru/news/2020/07/10/reaction>.
- (13) Глава РПЦ назвал превращение Святой Софии в мечеть угрозой истории России // РБК. 06.07.2020 // URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/07/2020/5f02e1d79a794765d5eaea9c>.
- (14) Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев): «Решение о превращении храма Святой Софии в мечеть — это удар по всему мировому Православию» // URL: <https://pravoslavie.ru/132527.html>.
- (15) Глава РПЦ назвал превращение Святой Софии в мечеть угрозой истории России // РБК. 06.07.2020 // URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/07/2020/5f02e1d79a794765d5eaea9c>.

Библиографический список / References

1. Беляев Л.А. Христианские древности: введение в сравнительное изучение. СПб., 2020 / Belyaev L.A. *Khristianskie drevnosti: vvedenie v sravnitelnoe izuchenie* [Christian Antiquities: Introduction to Comparative Studies]. Saint Petersburg; 2020. (In Russ.).
2. Васильев А.А. История византийской империи. Т. 1. М., 1998 / Vasiliev A.A. *Istorija vizantijskoj imperii* [History of the Byzantine Empire]. Vol. 1. Moscow; 1998. (In Russ.).
3. Веселов Ю.А. Реакция мировой общественности на возвращение Собору Святой Софии статуса мечети // Мировая политика. 2022. № 1 / Veselov Yu.A. Reaktsiya mirovoy obshchestvennosti na vozvrashchenie Soboru Svyatoy Sofii statusa mecheti [Reaction of the world community to the return of the mosque status to the Hagia Sophia]. *World Politics*. 2022; 1. (In Russ.).
4. Еркян А. Турция — больше не Турция. Почему Эрдоган переименовал свою страну? / Erkanian A. Turkey is no longer Turkey. Why did Erdogan rename his country? URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20211210/turtsiya---bolshe-ne-turtsiya-rochemu-erdogan-pereimenoval-svoyu-stranu-36214389.html?ysclid=188o1ogwma565197609>. (In Russ.).
5. Свистунова И.А. Византийские исследования в Турции: история и современность // Культурологический журнал. 2019. № 3 / Svistunova I.A. Vizantiyskie issledovaniya v Turtsii: istoriya i sovremennost [Byzantine studies in Turkey: History and the present]. *Journal of Cultural Studies*. 2019; 3. (In Russ.).
6. Шаврина М.С. Айя-София в статусе мечети: международные оценки и перспективы функционирования // Ислам в современном мире. 2020. № 3 / Shavrina M.S. Hagia Sophia v statuse mecheti: mezhdunarodnye otsenki i perspektivy funktsionirovaniya [Hagia Sophia in the mosque status: International assessments and prospects for functioning]. *Islam in the Contemporary World*. 2020; 3. (In Russ.).
7. Akyürek E. Byzantine art history in modern Turkey. *Perceptions of the Past in the Turkish Republic: Classical and Byzantine Periods*. Leuven — Paris — Walpole; 2010.

8. Akyürek E. Byzantine art history in Turkey from the 1950s to the present. (L. Bevilacqua, G. Gasbarri (Eds.). *Picturing a Lost Empire: An Italian Lens on Byzantine Art in Anatolia, 1960–2000*. Istanbul; 2018.
9. Aslan F. Ayasofya efsanelerine kaynak olması bakımından eski harflı Türkçe yazmalar. *Ayasofya Müzesi Yıllığı*. 2010; 13.
10. Başaran E. Prof. Olivier Roy: Erdoğan zihinleri İslamleştiremediği için taşları İslamleştiriyor. URL: <https://www.gazeteduvar.com.tr/politika/2020/07/21/prof-olivier-roy-erdogan-zihinleri-islamlestiremedigi-icin-taslari-islamlestiriyor>.
11. Bekdil B. Turkey: Erdogan wishes “many more happy conquests”. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/16092/turkey-erdogan-conquests>.
12. Ivanov V.G. The problems of assessing validity and political potential of cross-national comparative ratings. *Comparative Politics Russia*. 2021; 1.
13. Korenevskiy A.V. Russia’s Byzantine heritage: The anatomy of myth. *New Past*. 2016; 1.
14. Melakopides C. Multi-vector management of soft power policies: Will Russian soft power be victimized by the Moscow-Erdogan association? *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (4).
15. Serin U. Byzantium early Islam and Byzantine cultural heritage in Turkey. P. Atzaka, C. Papakyriakou, A. Pliota (Eds.). *Byzantium Early Islam. Cultural Heritage Management: Shared Experience beyond Boundaries*. Thessaloniki; 2008.
16. Tuğal C. Turkey at the crossroads? *New Left Review*. 2021; 127.
17. Yıldız Ş.K. A review of Byzantine studies and architectural historiography in Turkey today. *Middle East Technical University: Journal of Faculty of Architecture*. 2011; 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-89-99

Byzantine heritage in contemporary Turkey: Research features and political significance*

S.Yu. Belokonev^{1,2}, V.G. Ivanov^{2,3}, E.V. Levina^{1,4}

¹Financial University under the Government of the Russian Federation,
Leningradsky Prosp., 49, Moscow, 125468, Russia

²State University of Management,
Ryazansky Prosp., 99, Moscow, 109542, Russia

³RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

⁴Market Economy Institute of RAS,
Nakhimovsky Prosp., 47, Moscow, 117418, Russia

(e-mail: syubelokonev@fa.ru; ivanov_vg@pfur.ru; elena.v.levina@gmail.com)

Abstract. The article considers the politics of memory of the Turkish government in relation to the Byzantine heritage in the country and the reaction of the states whose historical narrative and identity are associated with the Byzantine Empire’s legacy. The article is based on a wide range of sources in Turkish, Greek, English and Russian. The authors believe that the Turkish policy of Islamization and the ideology of neo-Ottomanism, which are implemented by the ruling AK Party under the leadership of the President R.T. Erdogan,

*© S.Yu. Belokonev, V.G. Ivanov, E.V. Levina, 2023

The article was submitted on 13.09.2022. The article was accepted on 10.12.2022.

lead to the gradual dismantling of the remaining Byzantine heritage, which was proved by the transformation of the Monastery of the Choir and the Hagia Sophia into mosques. Turkish society, except for a few dissidents many of whom have already left the country, does not show interest in the history of Byzantium and perceives the policy of the ruling party quite pragmatically, according to the opinion polls. The international reaction to the decisions of the Turkish leadership was quite restrained and in general did not focus on Byzantium and its role in history. Thus, European politicians and researchers criticized mainly the anti-Western idea of Erdogan's actions and rhetoric, while Greece fears mostly the revival of Ottoman imperialism and considers the Byzantine legacy as a part of Hellenism. The authors conclude that it was Russian society that defined the policy of Erdogan as the destruction of the Byzantine heritage of the Eastern Orthodox civilization (primarily due to the position of the Russian Orthodox Church), which made the Russian political leadership discuss this issue at the highest level. Moreover, in the international dimension, Ankara's consistent policy to dismantle the Byzantine heritage affects the image and ideology of the Russian state to a greater extent than that of Greece, which is determined by the sustainable perception of Russia as the successor of the Byzantine tradition.

Key words: Byzantine heritage; Turkey; Russia; politics of memory; identity; Hagia Sophia

Funding

The study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Project FSSF-2022-0015.